В.В. КОМПАНЕЕЦ
(Волгоград)

ТРИЕДИНСТВО ПРАВДЫ – ИСТИНЫ – СПРАВЕДЛИВОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ В.Г. РАСПУТИНА

Анализируется образная система произведений В.Г. Распутина в свете основных поведенческих моделей литературных героев и в аспекте общих проблем христианской нравственности.

Ключевые слова: *характер, родовое сознание, индивидуализм, праведность.*

Еще в советские времена зарубежные исследователи называли Валентина Распутина одним из «самых христианских писателей России», чье целостное миропонимание сформировалось на религиозных представлениях об органичности и единстве мира, о взаимосвязанности и согласованности всего сущего, что требовало, говоря словами Н. Лосского, соединения правды-истины «с правдой-справедливостью» [5, с. 311]. С данными тезисами не согласиться невозможно, но в свете сегодняшних разработок о православном начале русской литературы они требуют некоторых уточнений.

Во-первых, что такое правда-справедливость? Насколько она соотносится с истиной в общечеловеческом (философском) значении понятия? Любопытную картину дает «Новейший философский словарь». Истина здесь трактуется как одна из универсалий культуры «субъект-объектного ряда», содержанием которой является не только степень достоверности знания, но и его оценка [7, с. 445]. А правда как категория именно русской народной и философской культуры (этот момент подчеркнут) определяется как абсолютная истина, «дополнительно фундируемая предельной персональной убежденностью ее автора»(Там же, с. 789). Понятие же справедливости отсутствует вообще. Видимо, предполагается, что она является компонентом первых двух определений.

Скажем прямо, такая трактовка не вполне соответствует представлениям, некогда сформированным ортодоксальной идеологией. Однако она не вполне соответствует и христианскому пониманию. Наконец, она расходится и с теми художественными решениями, которые дает в этом плане Валентин Распутин.

В отличие от всех предыдущих подходов у писателя ярко проявляется гендерный аспект. Разумеется, данного термина автор «Прощания с Матерой» не употребляет (да он и не был столь распространен, как в нынешнее время). Тем не менее, утверждая духовно-гуманистические ценности, ниспровергая голый практицизм, холодную рассудочность, бессердечность, которые нередко доминируют в психологии современной личности, писатель выдвигал на первый план женский характер. На наш взгляд, его по праву можно считать певцом женского начала как носителя правды в ее женском обличье. Распутинские героини рассуждают не о прогрессе в общепланетарном масштабе, не о превращении слепой силы природы в управляемую разумом субстанцию, но о животворящих началах бытия, которые в силу своей естественной позитивности отрицают все, что связано с понятием неистинного: фальшь, ложь, мимикрию, обман и пр. Более того, именно русской женщине выпало на долю перенести все тяготы истории, испытать по отношению не только к себе, но и к своим детям острое чувство кризиса, ощущение бытия на грани жизни и смерти. «... В несчастье, – утверждал Ф.М. Достоевский, – яснеет истина» [2, с. 176]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно героиням, прожившим многотрудную жизнь, открывается многое из того, что неведомо окружающим.

Как правило, писатель отдает предпочтение не персональной, а родовой форме сознания с ее архаичностью и определенной долей детскости. Не случайно правда героинь Распутина тождественна некоторым высказываниям философа Николая Федорова. «Только в учении о родстве, – писал Федоров, – вопрос о толпе и личности получает решение … в сознании каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т.е. сыном

© Компанеец В.В., 2012

всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства…» [10, с. 65].

Именно так, не только своими глазами, но и взором предшествующих поколений, в котором присутствуют нравственные заповеди рода, смотрит на жизнь центральная героиня «Прощания с Матерой» старуха Дарья. Ее бытие, говоря словами немецкого исследователя Г. Хазенкампа, протекает «как жизнь в памяти» [12, S. 7]. Для того чтобы двигаться вперед, распутинской героине необходимо оглянуться назад, и ее представления о прогрессе намного диалектичнее, вернее и точнее, нежели представления противостоящих ей «пожогщиков», внука Андрея, чиновника Воронцова и прочих, забывших о душе и совести.

Обратим внимание на одно странное, казалось бы, обстоятельство в повести «Последний срок»: главная героиня, старуха Анна, на протяжении всего повествования лежит на своей узкой железной кровати и фактически не выходит за пределы избы. Однако в произведении нет ощущения какой-либо замкнутости, сдавленности пространства. Это объясняется тем, что личность Анны находится в единстве с природными факторами, с готовностью к восприятию космических воздействий, она прочно связана с макромиром, вселенской субстанцией бытия. И здесь можно провести прямую параллель между этой повестью Распутина и рассказом И.С. Тургенева «Живые мощи».

Седьмой год лежит в ветхом ольшанике тургеневская Лукерья, медленно и неуклонно костенея от неизлечимой и неведомой хвори. Но она вся превращается в зрение и слух, умиленно наблюдает за семьей ласточек; за случайно заскочившим зайцем, напомнившем ей важного офицера; за «курочкой-наседочкой» с цыплятами; слушает, как жужжат пчелы, воркует голубок, чувствует запахи с полей и сада. Темной зимой Лукерья рада трескотне сверчка или возне мышей. Смиренно перенося страдания, она возвысилась душой и сняла все грехи не только с себя самой, но и с покойных своих родителей. Ее посещали вещие сны о том, как уводит ее в рай Христос, оставляя ее болезнь на земле; как сама смерть назначает ей срок. Умирая, «она все слышала колокольный звон», шедший сверху [9, с. 338]. Это не просто правда умирающего человека (как и у Распутина), это именно женская правда, на уровне подсознания ощущающая связь с матерью-землей, которую, по словам поэта, «благословляя», исходил в ветхом рубище Христос.

Подобная связь, органически присущая и героине Распутина, позволяет ей воспринимать смерть как переход в другие формы существования. Не случайно непосредственно перед смертью старухе «показалось, что до теперешней своей человеческой жизни она была на свете еще раньше. Как, чем была, ползала, ходила или летала, она не помнила, не догадывалась, но что-то подсказывало ей, что она видела землю не в первый раз». Отсюда – осложненность ее самосознания грузом «какой-то прежней, посторонней памяти» [8, т. 1, с. 397]. В этой памяти и живет ее истина-правда, которая для других кажется непонятной и таинственной.

Искажение естественного, данного природой человеческого обличья закономерно привело, по мысли В. Распутина, к ущербности, уязвимости, «слабинке», нашедшим выражение в захвативших все общество стрессовых потрясениях, во всеобщей нервозности и, как следствие, потере устойчивости бытия.

В свете вышеизложенного обратимся к образу Настены Гуськовой («Живи и помни»), в судьбе которой трагически переплелись правда и ложь любви. Героиня принадлежит к числу тех художественных характеров, которые требуют дифференциации и, соответственно, учета этики как результата действий, так и неоднозначных мотивов.

По своей натуре Настена обладает предельно цельным характером, примечательными свойствами которого являются высочайшая нравственная взыскательность и духовная чистота. В отличие от явно приземленного, питающегося только земной «энергией» Андрея Гуськова, она приподнята над монотонной действительностью, устремлена к красоте «тварного» мира. В этом плане показательна следующая сцена. Настена просит своего мужа вспомнить «хорошенько» содержание «обоюдного» сна, который она воспринимает как вещий. В ответ на просьбу Андрей с привычной обыденностью замечает: «Не хватало еще верить во всякие сны» [8, т.2, с. 89].

Между тем одинаковый сон, приснившийся «в одну ночь» и Андрею, и Настене, символичен: в нем как бы «в свернутом виде» представлены жизненные пути, судьбы персонажей. Действия в «обоюдном» сне разворачиваются сразу в трех временных плоскостях и сопрягают в единое целое бытие Настены-девчонки, жизнь героев в период войны и их участь после дезертирства Гуськова. Суть сновидения заключается в том, что знакомая «незнакомка» Настена-подросток приходит к вою-

ющему на фронте Гуськову и просит его помочь справиться «с ребятишками», однако Гуськов не верит ей: «Иди и не приставай больше ко мне – нет у тебя никаких ребятишек» [8, т.2, с. 87]. На настойчивые и неоднократные увещевания жены Андрей неизменно отвечал отказом, неверием.

По-разному можно истолковывать эту нарисованную Распутиным символическую сцену. На наш взгляд, она несет в себе христианскую идею спасительной веры. Маловерие – вот основной недостаток, который усматривал Иисус Христос у Своих учеников. Поэтому Он накануне распятия сказал Симону-Петру, трижды отрекшемуся от Учителя, слова, воспринимаемые как завещание: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк.: 22; 32).

Отсутствие твердой веры, без которой немыслима сила духа, и обусловливает очевидную прозаичность, явную «заземленность» натуры Гуськова. Он зачастую оказывается неспособен воспринять идущие от Настены духовные импульсы. В итоге некая исходящая «свыше» сила «обуздала» Гуськова, «что хочет, то и делает» с ним [8, т.2, с. 89].

Однако Гуськов, дезертировав, вовлекает в стихию греховности Настену, и в итоге цельная, «оплотненная», имевшая «свое место» в жизни личность «соскакивает» с предначертанного пути. Теперь «толочься» придется хоть и по тому же «кругу», но «словно бы в сторонке. Подглядывать, как живут другие и жить наособь, под секретом… Хитрить, изворачиваться, врать и знать наперед, чем это кончится» (Там же, т.2, с. 50). Что же побуждает Настену, знающую «наперед» трагический исход, сознательно идти навстречу судьбе? Такой силой является, конечно же, христианская любовь к ближнему.

П. Флоренский в свое время различал «четыре направления» в любви: «любовь ощущения, страсть»; «любовь родовую, привязанность»; «суховатую», «рассудочную» любовь или любовь «оценки, уважение»; задушевную, искреннюю любовь или любовь «внутреннего признания, личного прозрения, приязнь» [11]. Что касается отношения Настены к Гуськову, то оно ассоциируется не с рассудочной любовью «оценки», не с искренней любовью «внутреннего признания» и не с любовью «ощущения, страсти» (последнюю исключают духовные устремления героини), а с «любовью родовой, привязанностью». В самом деле, жизнь рода, его обычаи и традиции всецело определяют поведение распутинской героини. Ощущение личной причастности к передающимся из поколения в поколение нравственным заповедям «отцов» и побуждает ее устраивать свою жизнь «лишь однажды и терпеть все, что ей выпадет» [8, т.2, с. 14]. Вот почему при любых, даже самых драматических жизненных коллизиях перед Настеной не возникает проблема иначе-бытия: «Я бы, может, хотела себе другую судьбу, но другая у других, а эта моя. И я о ней не пожалею» (Там же, с. 96). Отсюда – обостренное сознание личного долга, нравственных обязательств перед Андреем, с которым ее «если не Бог, то сама жизнь соединила, чтобы держаться им вместе, что бы ни случилось, какая бы беда ни стряслась» (Там же, с. 50).

Героиня «Живи и помни», выражаясь языком Н. Лосского, становится «носителем не только своей, но и чужой жизни» [6, с. 184]. Поэтому внутренне не соглашаясь с поступком Гуськова, она и себя считает повинной в его дезертирстве: «Не из-за нее ли больше всего его потянуло домой? Не ее ли он боялся никогда не увидеть, не сказать последнего слова?» [8, т.2, с. 50].

Специфичность и трагизм распутинской героини заключаются в том, что она помогает дезертиру. В итоге создается необычная ситуация, характеризующаяся нравственной антиномичностью: праведница, руководствующаяся исключительно требованиями совести и долга, вынуждена лгать, скрывать правду, приспосабливаться и маскироваться.

Между тем некоторые критики, следуя установлениям формальной логики, признающей лишь этику результата и недостаточно принимающей во внимание этику мотивов действий, нередко заявляли, что героиня заслуживает осуждения, поскольку она упивается «своей покорностью случившемуся», поступает не «по законам общественной морали, а по сугубо своему, словно бы свыше подсказанному» [4, с. 221–222].

В этой связи невольно вспоминается известный трактат И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия», в котором Кант утверждает: «Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или кого другого» [3, с. 293–294]. Н. Лосский, рассматривавший этот пример И. Канта, различает два смысла в слове «ложь» – формальный и нравственный. При этом философ акцентирует внимание на

том, что общие заповеди не учитывают всей сложности «индивидуальных положений», и поэтому их строгое исполнение «в некоторых случаях было бы крайней несправедливостью и жестокостью». К их числу автор «Условий абсолютного добра» относит ситуации «столкновения двух правил этики закона», когда во имя более высокой ценности «или вследствие столкновений ранга и силы ценностей приходится одно из правил действительно нарушить. Это те случаи, когда нравственное поведение становится драматическим», т.к. человеку приходится «брать на себя вину дурного поступка» [6, с. 188–189].

Весь драматизм положения Настены как раз и состоит в том, что она по велению собственной совести вынуждена брать на себя вину неправедного поступка своего мужа. В итоге светоносная личность, жаждущая добра и справедливости, по своей натуре не приемлющая ложь в любых ее проявлениях, вынуждена стать на путь антиистины, неправды. Поэтому «не прикидываться, не лукавить, не врать, а жить свободно тем, что она есть» [8, т. 2, с. 177] становится всего лишь несбыточной мечтой Настены.

В таком случае напрашивается вопрос: где же выход из создавшейся критической ситуации? Разрешение реальной антиномии греха и безгрешности возможно, по свидетельству Б. Вышеславцева, «только посредством восстановления божественного прообраза (воплощение, преображение и воскрешение) и устранения искажения и извращения» [1, с. 80]. Иными словами, перед Настеной, как и перед каждым человеком, благодаря свободе воли открыта возможность покаяния и искупления. Но в том-то и дело, что героиня «Живи и помни» морально не свободна, этой свободы ей не дают раз и навсегда взятые нравственные обязательства перед мужем. Ведь что означает для Настены покаяние? Личное нравственное спасение, оправдание себя и в то же время гибель Андрея. Отсюда и возникает необходимость жертвы, и, жертвуя собой (иной исход для нее просто немыслим), героиня вынуждена грешить, лукавить, лгать, т.е. быть не тем, кто она есть в действительности.

Раздвоенная, «разорванная» антиномичными нравственными устремлениями, Настена погибает. И характерно при этом, что ее попытка сохранить «божественный прообраз», самое себя, свою индивидуальность с присущими ей добродетелью, совестливостью, нравственным изяществом осуществляется через одно из самых страшных прегрешений – самоубийство.

Действие антиномичных нравственных сил продолжается и после смерти распутинской героини: Мишка-батрак, доставивший Настену «обратно в лодке», вознамерился похоронить ее на кладбище утопленников, но «бабы не дали. И предали Настену земле среди своих, только чуть с краешку, у покосившейся изгороди» [8, т.2, с. 200]. Следовательно, правда-истина, беспристрастно фиксирующая факт совершенного Настеной великого греха, не удовлетворяет людей, утверждающих необходимость правды-справедливости. Тем самым осуществляется попытка дать нравственную оценку личности героини как таковой, восстановить ее истинный «божественный прообраз», очистить ее внутренний мир от чуждых ложных напластований.

Литература

1. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопр. философии. 1990. № 4.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1.
3. Кант И. Трактаты и письма. М., 1990.
4. Литвинов В. Память сердца и души // Знамя. 1976. № 7.
5. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
6. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
7. Новейший философский словарь. 3-е изд., Минск, 2003.
8. Распутин В.Г. Избраные произведения : в 2 т. М., 1990. Т.1.
9. Тургенев И.С. Сочинения : в 12 т. Т.3. Записки охотника. М., 1979.
10. Федоров Н. Ф. Сочинения // Философское наследие. М., 1982. Т. 85.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1990.
12. Hasenkamp G. Gedachtnis und Leben in der Prosa Valentin Rasputins. Wiesbaden, 1990.

Trinity of truth – verity – justice in the artistic axiology of V.G. Rasputin

There is analyzed the imagery system of the works by V.G. Rasputin in the light of the main behavioral models of literature characters and in the aspect of general issues of Christian morality.

Key words: *character, patrimonial consciousness, individuality, righteousness.*